

Ленинград. Аэростаты воздушного заграждения на Исаакиевской площади в дни блокады города

БЛОКАДА

75 ЛЕТ НАЗАД НАЧАЛАСЬ БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА, КОТОРАЯ ДЛИЛАСЬ 872 ДНЯ. НА ДОЛЮ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА ВЫПАЛИ НЕВИДАННЫЕ СТРАДАНИЯ. «ИСТОРИК» ВСТРЕТИЛСЯ С ОДНИМ ИЗ ЛЕНИНГРАДЦЕВ, ПЕРЕЖИВШИХ БЛОКАДУ, КРУПНЕЙШИМ РОССИЙСКИМ ИСТОРИКОМ-АФРИКАНИСТОМ, АКАДЕМИКОМ РАН, ДОКТОРОМ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРОМ **АПОЛЛОНОМ ДАВИДСОНОМ**. ОСЕНЬЮ 1941-ГО ЕМУ БЫЛО 12 ЛЕТ...

Блокада Ленинграда продолжалась с 8 сентября 1941 года по 27 января 1944-го, став не только символом героизма и самопожертвования советских граждан, но и одним из самых страшных злодеяний нацистской Германии. По разным оценкам, она унесла жизнь от 600 тыс. до 1 млн человек.

КАК НАЧИНАЛАСЬ БЛОКАДА

– Кольцо блокады вокруг города замкнулось 8 сентября. Ленинградцы узнали об этом в тот же день или позже?

– Привычки сообщать людям правду у власти не было. Радиоприемники реквизировали еще в самом начале войны, а судить о происходящем по газетам было сложно. Поэтому ленинградцы

узнали о блокаде не в день ее начала. Хотя на кухнях и в кулуарах разговоры такие ходили.

– Не сразу, но властям все же пришлось сообщить населению о блокаде...

– Пришлось. Но я не помню, когда это случилось. Помню, что страха оказаться в осажденном городе не было. Хотя поток беженцев в Ленинград нарастал. К нам из Гатчины приехал отец моего отца Василий Адольфович, в прошлом артист Александринки, с женой. Обрусевшие немцы, они не захотели жить под германской оккупацией и переехали к нам. Когда стало известно о блокаде, по городу поползли разные слухи. Сначала ждали подхода к Ленинграду частей из Сибири. Потом пошли разговоры, что Красная армия вот-вот возьмет

Мгу и блокада будет разорвана. И ленинградцы жили надеждой, что возьмут Мгу. Желания, чтобы немцы вошли в город, я не замечал. Из всех наших знакомых лишь одна семья ждала их прихода.

– Гитлеровская пропаганда до города доходила?

– Листовок немцы бросали много. Но все они были составлены как-то глупо и на людей почти не действовали.

– Лично для вас с чего началась блокада?

– В 1941 году я перешел в 5-й класс, получил табель успеваемости. Сразу после этого отправился под Ленинград, в Кириши, где бродил с экспедицией по лесам, помогал взрослым таскать теодолит и другие приборы. Там-то меня

война и застала. Узнали мы о ней не из речи Молотова. В деревушке радио не было, и вечером, когда мы вернулись из леса, колхозники рассказали, что их всех собрали и объявили о начале войны. Геодезистам пришлось ждать указаний, оставаться им или уезжать. Меня же никто не задерживал. В результате в 12 лет я принял первое в жизни самостоятельное решение. Я решил, что надо возвращаться домой. Добрался до железнодорожной станции. Проезжавшие мимо красноармейцы сжалились и взяли меня к себе в теплушку. Солнечным июньским днем я вернулся в Ленинград.

Подходя к дому, встретил одноклассников с вещами. Нашу школу, которую в свое время окончили Аркадий Райкин и академик Яков Зельдович, эвакуировали. Все желающие могли уехать. Мои одноклассники отправились на Валдай, а вскоре туда пришли немцы. В начале войны события развивались поразительно быстро, к чему люди были не готовы. В этой связи приведу еще один факт. Мои родные, опасаясь, что Ленинград станут бомбить, решили уехать на дачу в Вырицу, считали, что там жизнь будет спокойнее. Уже по дороге вспомнили, что кое-что из вещей забыли дома, пришлось нам вернуться. А тем временем фашисты начали бомбить Вырицу, а потом и вовсе ее захватили! Все это было как снег на голову.

В июле жизнь в Ленинграде была еще вполне сносной. В конце августа стало заметно стремление людей сбиться в кучки. Жались друг к другу, потому что боялись. Начались проблемы с продовольствием. А когда от первых бомбежек сгорели продовольственные Бадаевские склады, появился страх голода.

Блокадный хлеб и хлебные карточки. С 20 ноября по 25 декабря 1941 года размер суточного пайка на служащего, иждивенца и ребенка до 12 лет составлял 125 граммов хлеба

– Есть мнение, что именно пожар на Бадаевских складах явился едва ли не главной причиной голода...

– Такой слух был, но ему немногие верили. Да и могло ли все содержимое складов разом погибнуть от бомбежки? И неужели громадный, трехмиллионный город зависел от одной только группы складов, пусть даже большой? Не были ли эти слухи и порождаемый ими страх выгодны ленинградским начальникам или властям куда более высоким?..

А блокада для меня началась так. Немцы стали обстреливать город раньше, чем бомбить. Впервые Ленинград бомбили лишь 8 сентября – гораздо позже, чем Москву. Помню, я сидел спиной к окну и читал «Графиню де Монсоро». Вдруг на меня упало одеяло, которым было завешено окно. Оказалось, к счастью, поскольку следом посыпались осколки разбитого стекла: в кинотеатр «Форум» попала фугасно-зажигательная бомба. Тут же раздались крики людей,

собачий лай. Тогда собаки еще оставались в городе...

Со временем к бомбежкам привыкли, стали реагировать на них спокойнее. А потом, когда силы кончились, реагировать практически перестали.

ГОЛОДНАЯ СМЕРТЬ

– Сколько человек было в вашей семье в начале блокады?

– Нас было четверо: я, мама, отец моего отчима и его жена.

– Как быстро иссякли у вас запасы продовольствия?

– Мои родственники пережили голод 1921 года в Поволжье. Правда, пережили его не все: тогда умерли оба моих деда. Мама в то время была сестрой милосердия в сыпнотифозном госпитале. Она и все наши родственники были научены голодом. Те из них, кто выжил в 1921 году, уехали из-под Самары – кто в Москву, кто в Ленинград. Еще до войны бабушка, когда я чем-то ее сердил, говорила: «Ты голода не видел!» Когда началась война с Германией, мама купила несколько килограммов чечевицы. В дальнейшем это нам помогло выжить. С тех пор к чечевице я отношусь с большим уважением.

Отцу отчима и его жене в 1941-м было около 70 лет. Выжить они не могли. В самый пик голода, который пришелся на конец декабря – начало января, они сказали, что пойдут на улицу. По их словам, там ездили машины, которые подбирали умирающих людей. На самом деле если такое и происходило, то очень редко. Они ушли, чтобы замерзнуть и чтобы нам не пришлось возиться с их трупами. После этого нас осталось двое. Как мы к этому отнеслись? Думали, что с нами

Аполлон Борисович ДАВИДСОН родился 23 августа 1929 года. В 1953 году окончил исторический факультет ЛГУ. Доктор исторических наук, профессор МГУ и НИУ ВШЭ, академик РАН (2011), президент Ассоциации британских исследователей. С 1977 года как эксперт по Африке участвовал в советско-американских Дартмутских конференциях. В 1994–1998 годах – директор Центра российских исследований Университета Кейптауна (ЮАР). Автор 11 монографий и более 500 научных публикаций, большинство из которых посвящены новой и новейшей истории стран Африки. Специалист по литературе Серебряного века. Член Союза писателей. В 2015 году ему была присуждена премия РАН имени Е.В. Тарле.

По Дороге жизни, проходившей через Ладожское озеро, за время блокады было эвакуировано более миллиона ленинградцев

будет то же самое. Тогда же не стало моего двоюродного брата и двоюродной сестры. А им не было и 18 лет. Никто не знал, когда наступит его черед. Тянулись однообразные дни. Жили без воды, без света, без тепла. Главное – без еды.

При этом официально слово «голод» не употреблялось. Впрочем, такая манера в России прослеживается с давних пор. Еще в 1891 году, когда был страшный голод в 20 губерниях и журналисты хотели о нем писать, император Александр III начертал такую резолюцию: «В моей стране голода быть не может. Только недород».

– Хлеб в Ленинграде выдавали по карточкам. Вы часто за ним ходили?

– Почти каждый день. Иногда, когда хлеб не привозили, приходилось стоять за ним с раннего утра. Все, что вовремя не выдали, потом возвращали. Вот только не все до этого доживали. Многим, особенно старикам, было трудно подняться по ступенькам в магазин, хотя ступенек было меньше десяти.

Хлеб выдавали с бесконечным количеством довесков, ведь взвешивать надо было очень точно. Бывало, тот из членов семьи, кто ходил за хлебом, не выдерживал и по дороге домой все довески съедал.

Позднее стало поступать англо-американское продовольствие. О некоторых видах пищи мы прежде и не знали. Например, тогда я впервые попробовал кокосовое масло. Иногда давали вино. Однако всего этого было ничтожно мало.

– О каннибализме вы тогда знали?

– Я о нем не слышал. Но однажды шел по переулку и в одной из подворотен увидел перевязанные веревкой остроганные кости. Явно человеческие берцовые кости...

Был и такой случай. Раньше у нас жили две собаки – пойнтер и сеттер. В последние предвоенные годы среди породистых собак свирепствовала чумка, и оба песика погибли. В нашем доме не все об этом знали. Когда наступил голод, сосед из верхней квартиры пришел к нам и предложил: «Я понимаю, у вас не поднимется рука на своих собак. Давайте это сделаю я. Только выделите моей семье хоть немного мяса...»

БОЛЕЗНИ, ХОЛОД, АРТОБСТРЕЛЫ
– От каких болезней больше всего страдали жители осажденного города? Многих ли мучила цинга?

– У меня от цинги выпали коренные зубы. Очень распространен был кровавый понос. Люди от него погибали. Врачи по губам определяли, выживет человек или нет.

– Что помимо голода оказалось самым страшным?

– Артиллерийские обстрелы. Мы жили на полпути от Пяти углов к улице Росси, в Чернышевском переулке, в доме № 14. А в доме № 12 угол снесло снарядом. Бомба угодила в то место, где до войны стоял постовой милиционер. Также попала бомба и в расположенный неподалеку банк, от него лишь стены остались. Во время бомбежек мама дежурила на чердаке и на крыше, тушила зажигательные бомбы в ящиках с песком. Иногда ходил с ней и я.

Хотя, по большому счету, немцы не так уж и много разбомбили в Ленинграде.

Со временем у ленинградцев возникло ощущение, что враг рассчитывает взять город и так. Об этом как-то не принято говорить, но ведь с 4 декабря 1941 года до начала апреля 1942-го Ленинград не бомбили. Поначалу да: бомбежки, обстрелы, рев сирен изматывали людей. А потом нет. Мы даже перестали спускаться в бомбоубежище.

– Отношения между людьми тогда изменились?

– Озлобления я не видел. Возможно, потому, что мы жили в центре, недалеко от Невского проспекта, среди интеллигенции. Не возникало и паники. Хотя в блокаду интеллигенция оказалась самой неприспособленной. То, что она умела, не помогало выжить. А то, что помогало, она не умела. Не умела делать печки-буржуйки, и ей приходилось платить за них, ведь отопление не работало. Платили из своего голодного пайка даже те, кто был уже обречен. Однако куда денешься: морозы стояли под 25–30 градусов. Окна во многих домах были выбиты и наспех залатаны фанерой или картоном. Не умела интеллигенция и делать гробы. А это, как и буржуйки, было делом доходным. И по карточкам интеллигенция («служащие») получала меньше, чем рабочие.

– Какие настроения были в этой среде?

– Старой питерской интеллигенции советская власть была чужда, но победы Гитлера никто не желал. Даже немцы – наши, питерские. Соседями моей бабушки на Васильевском острове были интеллигентные пожилые немки. Седые, чистенькие, со вкусом причесанные, с хорошим немецким языком. И у них не было никакой симпатии к фашизму.

Бравурным песням вроде «И в каждом пропеллере дышит спокойствие наших границ...» в этой среде не верили и до войны. Понимали, что неправдоподобно, потому и не верили (хотя очень хотели бы верить!) и сталинскому обещанию, прозвучавшему над Красной площадью 7 ноября 1941 года: «Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть, годик – и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений». С горькой иронией многие отнеслись к посланию

«Историк» рекомендует ЧТО ПОЧИТАТЬ?

ЯРОВ С.В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М., 2013

ГЛИНКА В.М. Воспоминания о блокаде. СПб., 2015

ИНБЕР В.М. Почти три года. Ленинградский дневник. М., 2015

Диорама «Блокада Ленинграда» в московском Центральном музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе

«всесоюзного старосты» Михаила Калинина. Обратившись к нам: «Ленинградцы, дети мои», он призвал потуже затянуть пояса. А люди умирали уже десятками тысяч.

– Кто умирал в первую очередь?

– Мужчины. Из чего я сделал вывод, что самые неживучие существа – это мужчины. Затем умирали женщины, последними – дети. Но это потому, что детей взрослые берегли, как только могли.

– Снились ли вам тогда вещие сны?

– Вещих снов не помню. А вот мечта у меня была. Очень хотелось, если выживу, поселиться где-нибудь в деревне, в спокойном месте.

– Помните ли новогоднюю ночь на 1 января 1942 года?

– Мы ее как-то не ощутили. Она ведь пришлась на пик голода.

– Какие физические и психологические качества помогали ленинградцам в борьбе за жизнь?

– На этот вопрос очень нелегко ответить. Поскольку старая питерская интеллигенция от советской власти пострадала, очевидно, что вера в сталинский режим ее не спасала. А спасала вера в жизнь, любовь друг к другу, к близким. Вспоминаются слова Уинстона Черчилля: «Я, конечно, оптимист, потому что какой смысл быть кем-нибудь другим».

– Вы сами за время блокады сильно изменились – внешне и внутренне?

– О себе судить трудно. Скажу о маме, которая родилась в 1900 году. В начале блокады ей был 41 год. Вот она сильно изменилась. До войны мама была человеком жизнерадостным, остроумным и живым. Была центром притяжения. Люди к ней тянулись. С войной все

это кончилось. Блокада маму совершенно подкосила. Она стала другим человеком. И это очень грустно... Мама умерла от рака через много лет после войны. Незадолго до смерти она сказала мне: «Ты не думай, никакого рака у меня нет. В нашей семье умирают от голода...»

«ЧУДОМ ВЫЖИЛ И Я...»

– Как закончилась для вас блокада?

– В марте 1942 года началась принудительная высылка из Ленинграда. Людям приходили повестки: выселяетесь, такого-то числа обязаны быть на Финляндском вокзале. Никто ничего не объяснял. По слухам, речь шла вроде бы о трех категориях населения: немцах, эстонцах и тех, кто уже раньше бывал сослан. Да, умом Россию не понять... Выслать тех, кто и так-то, может быть, не доживет до завтра! Маминой подруге из соседнего дома прислали такую повестку. Лидия Андреевна была русской, но по мужу – Герцберг. Муж ее, из давным-давно обрусевших немцев, умер от голода еще в декабре. Она уезжать не стала. И новой повестки не прислали. Воистину не понять!

25 марта и мы на детских саночках привезли свой убогий скарб на Финляндский вокзал. Отъезд был обставлен чуть ли не празднично: каждому дали по миске каши с двумя сардельками. Когда ехали на полуторке по Дороге жизни через Ладожское озеро, всех накрыли брезентом. А я брезент приподнял и увидел, как грузовик перед нами ушел под лед – попал в воронку. Шоферам было трудно ориентироваться: конец марта, поверх льда – вода.

– Это верно, что из уезжавших блокадников каждый четвертый погибал в пути?

– Произошедшее с нами это подтверждает. Уезжали в восемьмер: бабушка, мама со мной, ее сестра с сыном

и жена ее брата с двумя сыновьями. Тетя Лиля, которой было всего 32 года, умерла еще в поезде. 14 апреля мы приехали в Свердловск. На следующий день скончалась моя бабушка Лидия Петровна Макрушина. В сущности, из четверых выехавших из Ленинграда взрослых живыми доехали двое.

Чудом выжил и я. Перед отъездом рубил топориком мебель для буржуйки и поранил руку. А ранки тогда не заживали, и в поезде рука стала набухать. В соседнем вагоне мама отыскала врачу. Та, осмотрев мою руку, сказала, что если опухоль пойдет дальше, то это гангрена и наступит конец. Тогда кто-то посоветовал печь лук на буржуйке и прикладывать к ране. И у кого-то нашлась луковица, вымененная уже в пути. Это меня и спасло.

– По дороге вас кормили?

– Кормили на станциях. Но поезд мог пройти за сутки три станции, а мог двое суток простоять в чистом поле. Да и по приезде на станцию попробуй еще получи свой суп, кашу и чай! С несколькими судками надо было пробраться под составами, которые отделяли поезд от станции. Иногда их было пять или шесть. Лезешь и все время оглядываешься, как бы твой поезд не ушел.

– До конца войны вы с матерью оставались в Свердловске?

– Нет. В конце 1943 года мы переехали в Москву. Позднее я лежал в госпитале на Пироговке: из-за блокады у меня возникли проблемы с почками. День Победы встречали на Манежной площади. В июне 1945 года я вернулся в Ленинград. И испытал большую радость от того, что опять оказался в родных местах.

Беседовал Олег НАЗАРОВ